

Гранева И. Ю. О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов / И. Ю. Гранева // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 74—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87.

Graneva, I. Yu. (2017). On Cultural Significance of Russian Personal and Personal-Possessive Pronouns in Phraseological Units. *Nauchnyy dialog*, 12: 74-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'367.626:39

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87

О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов

© Гранева Ирина Юрьевна (2017), orcid.org/0000-0002-1908-3665, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), irina.graneva@mail.ru.

Статья посвящена анализу русских личных местоимений *я, мы, ты, вы* и лично-притяжательных местоимений *мой, наш, твой, ваш* как компонентов устойчивых и нечленимых сочетаний фразеологизованного типа в русской речи в плане выражения ими культурно-значимых смыслов. Цель исследования — описать семантические особенности (в том числе оценочную составляющую семантики) русских фразеологических единиц, включающих в свой состав указанные местоимения, с точки зрения возможностей выражения ими культурной информации. Исследование осуществляется на материале, извлеченном из толковых и фразеологических словарей. Теоретической основой исследования являются методологические положения А. Вежбицкой об описании культуры через посредство естественного языка, идеи лингвокультурологического описания фразеологизмов В. Н. Телия, принципы языковой концептуализации мира и др. В работе использованы методы коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа «языка культуры», референциального анализа, концептуального анализа, функционально-стилистического анализа фразеологизмов. Доказано, что анализируемые местоимения в составе фразеологизмов выражают целый комплекс национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью мира «своих» (круга «наших») и его противопоставленностью «чужим». Практическая значимость работы связана с использованием ее результатов в преподавании русского языка как иностранного и в практике составления словарей «языка культуры».

Ключевые слова: личные местоимения; притяжательные местоимения; фразеологизм; лингвокультурология.

1. Введение

Настоящее исследование посвящено описанию русских личных местоимений *я, мы, ты и вы* и соотнесенных с ними лично-притяжательных местоимений *мой, наш, твой и ваш* как компонентов устойчивых и нечленимых сочетаний фразеологизованного типа в русской речи. В наших предыдущих исследованиях [Гранева, 2008, 2013] был выявлен значительный потенциал русских личных местоимений в выражении культурно-значимых смыслов.

В данной работе мы рассматриваем семантические, структурные и прагматические факторы особых типов нереферентных употреблений местоимений *я, мы, ты и вы* (и, соответственно, *мой, наш, твой и ваш*) в составе фразеологизмов и фразеологизованных служебных слов и междометий, которые реализуются в особых коммуникативных условиях и при этом закреплены в речевой практике общества, регулярно воспроизводятся в речи и осознанно используются и распознаются носителями языка в этих употреблениях без каких-либо трудностей.

2. Цель, материалы, теоретическая основа и методы исследования

Цель данного исследования — описать семантические и оценочные особенности русских фразеологических единиц, включающих в свой состав личные местоимения *я, мы, ты и вы* и лично-притяжательные местоимения *мой, наш, твой и ваш*, с точки зрения возможностей выражения ими культурно-значимой информации.

Исследование осуществляется на материале толковых и фразеологических словарей.

Теоретической основой исследования являются методологические положения А. Вежбицкой об описании культуры через посредство естественного языка [Вежбицкая, 1997], идеи лингвокультурологического описания фразеологизмов, заложенные в трудах В. Н. Телия и ее научной школы [Телия, 1996], принципы языковой концептуализации мира, изложенные в работах Т. Б. Радбиля [Радбиль, 1999; Радбиль, 2006] и апробированные в исследованиях ученых ННГУ им. Н. И. Лобачевского [Ручина и др., 2011; Сайгин, 2016].

Данный этап наших исследований связан с весьма востребованными в современной парадигме лингвистического знания идеями в области сопоставительного изучения фразеологизмов через призму националь-

но-культурной специфики. Это направление активизировалось в отечественной лингвистике в 80-е—90-е годы XX века — см., например, работы Н. Ю. Пятницкой [Пятницкая, 1987], Д. О. Добровольского [Добровольский, 1997] и др. Современное состояние вопроса отражено в диссертации Г. К. Гизатовой «Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии» [Гизатова, 2010] и обобщено в обзорной статье Т. Н. Федуленковой и И. В. Бечиной «Современные направления в изучении фразеологии» [Федуленкова и др., 2011].

Методы исследования определяются общими методологическими принципами, согласно которым к анализу семантики и функций местоимений как единиц дейктического типа необходимо привлекать коммуникативно-прагматический подход [Гранева, 2008]. В числе методов, использованных в данной работе, также следует назвать метод когнитивного анализа «языка культуры» [Вежбицкая, 1997], метод логического анализа языка (референциальный анализ) [Гранева, 2013], метод концептуального анализа [Ручина и др., 2011] и метод функционально-стилистического анализа семантики фразеологизмов [Телия, 1996].

3. Основные результаты работы

Как было показано в наших предыдущих исследованиях [Гранева, 2008, 2013], утрачивая свою первичную референтную функцию — маркировать непосредственных участников коммуникации, местоимения становятся выразителями культурно-значимой семантики, касающейся национально-обусловленных речевых стратегий говорящих по-русски.

В качестве языковых механизмов, лежащих в основе специфики употребления местоимений как компонентов фразеологических сочетаний, следует рассматривать дальнейшее развитие отмеченной нами ранее тенденции к лексикализации местоимений, при которой их первичная дейктическая функция преобразуется в номинативную и местоимение выступает как средство называния явлений действительности, а не как средство указания на участников коммуникации или на принадлежность чего-либо участникам коммуникации.

Перед нами своего рода дальнейший этап лексикализации, так называемая идиоматизация, или фразеологизация, при которой местоимение не только утрачивает дейктическую функцию, но вообще перестает быть самостоятельной лексической единицей, становясь выразителем особого типа значения — фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы.

Каждое из указанных местоимений уже и до стадии фразеологизации отличается особой культурной маркированностью, потому что связано с выражением ценностных ориентиров носителей языка и их идеологических приоритетов: в большей степени потенциал рассматриваемых местоимений реализуется, когда эти единицы, как раз в силу своей значимости для говорящих, и закрепляются в языковых клише и устойчивых выражениях.

Так, местоимения *я* и *мой* в составе фразеологизованных конструкций выражают целый комплекс национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью позиции говорящего, с особой значимостью его мира.

Местоимение *я* используется в разговорной речи в предложно-падежных выражениях *у меня* и *ко мне*, имеющих значение какого-либо места, где говорящий живет, работает и т. п. [ССРЛЯ, т. 17, с. 2013 и др.]. Косвенные формы от *я* также выступают как неосознанное мерило ценностей, как критерий значимости явлений окружающего мира; ср., например, *по мне* — то есть ‘по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус’ [БТСРЯ, 2000, с. 1530; СЕ, 2000]. Этот ценностный стереотип выражен в междометных употреблении выражений, включающих в состав косвенные падежные формы *я*: *Уж этот (это, эти) мне кто-, что-либо: Ох, уж эта мне работа* [ССРЛЯ, т. 17, с. 2013 и др.]. Этот фразеологизм употребляется для выражения досады, опасения и т. п. при личной заинтересованности в чем-либо говорящего. В этой же роли употребляется одиночное *мне* в функции частицы: *Разбудите мне только ребенка!* — или предложно-падежная конструкция *у меня*, которая выражает предупреждение, предостережение, угрозу и т. п.: *Ты у меня получишь...* Вводное употребление фразеологизованных конструкций с *я* может подчеркивать идею альтернативного существования: *Не я буду ...* [СЕ, 2000] — или ментальную деятельность — модус утверждения собственной правоты: *Я думаю!*

Косвенные падежные формы от *я*, входя в состав фразеологизмов, выражают самые разные аспекты позиции говорящего по отношению к миру: *Будет с меня* — в значении достаточности чего-либо с позиции говорящего; *Будь / не будь я тем-то или такой-то* — в значении гипотетической возможности относиться или вести себя в соответствии с нормами, устанавливаемыми опять же говорящим. В просторечном употреблении также есть фразеологизм *Я не я (лошадь не моя)* — в значении ‘ничего не знаю, не имею никакого отношения к чему-либо’, который выражает идею активного эмоционального нежелания признавать свою ответственность за что-либо [ССРЛЯ, т. 17, с. 2015 и др.].

Местоимение я в русских фразеологизмах выступает как маркер естественного центра мира, что проявляется в выражении сильного неприятия, негативного эмоционально-экспрессивного отношения к тому, что идет вразрез с установками говорящего: *Без меня меня женили* ‘в мое отсутствие, без моего ведома предприняли что-либо в отношении меня, вовлекли меня во что-либо’ — сожаление; *Вот я тебя (его, ее, вас, их)!* — угроза или строгое предупреждение [ССРЛЯ, т. 17, с. 2014 и др.]. Вариантом является сокращенное междометное *я тебе (те, ему, ей, вам, им)* или *я тебя (его, ее, вас, их)*, которое также выражает угрозу, обещание возмездия, наказания. Аналогично употребляется междометный фразеологизм: *Я тебе (те) дам* [ССРЛЯ, т. 17, с. 2015 и др.].

Ту же идею выражают и фразеологизмы с компонентом *мой*. Притяжательность как семантический компонент данного местоимения усиливает возможность выражения значимости своего Я, своего мира, в противовес чужому. Все, что так или иначе соотносится с моими ценностями, привычками, интересами и пристрастиями, выступает как позитивно-оцениваемое явление, и эта культурная установка отражается в фразеологизмах с местоимением *мой*. Данная идея ярко эксплицируется в фразеологизме: *Человек моего / не моего круга* [ССРЛЯ, т. 6, с. 1156 и др.]. Показательным в этом плане является и фразеологизм *Моя взяла* в значении ‘Я победил (победила), одержал (одержала) верх’ или *Все вышло по-моему!* В свою очередь, устойчивые выражения *в мои годы*, *в мое время* не просто констатируют временной промежуток, о котором идет речь, но выражают позитивное ценностно-заинтересованное отношение к этому промежутку. Аналогично — эмоционально-экспрессивное восклицание *Моя работа!* [ССРЛЯ, т. 6, с. 1154—1156 и др.].

Фразеологизмы с *мой* также демонстрируют, что человеческое «Я» является естественным центром мира и критерием ценностей: *Поживи с моё!* — не просто выражает пожелание прожить «столько же, сколько я», но и утверждает значимость, безусловную ценность собственной жизни, собственного опыта, в сравнении с жизнью и опытом собеседника. Аналогично — в фразеологизме *До моего (дожить, дотянуть и т. п.)* ‘до моих лет’ [ФСРЯ, 1968]. Эмоциональное вовлечение в «свой круг» какого-либо другого лица выражают ласкательные устойчивые сочетания, построенные по модели *Мой свет*, *мое золотице*, *мой мальчик* и пр. Безусловная культурная ценность идеи МОЕГО обуславливает образование эмоционально-экспрессивных этикетных форм типа *Мое почтение* или междометий, выражающих самый разный спектр значений: *Боже мой!* *Мой бог!* [ССРЛЯ, т. 6, с. 1156 и др.].

Другую сторону «русского мира ценностей», связанную с установкой на повышенную эмоциональность общения, на душевность, на предпочтение неформальности и неофициальности коммуникации, на эмпатию по отношению к другому, отражают фразеологизмы с местоимениями *ты* и *твой*.

Неслучайно именно местоимение *ты* выступает мерилом перехода к высокой степени неформальности отношений в фразеологизмах: *Быть, переходить* и т. п. *на ты с кем-либо, говорить ты кому-либо* [ССРЛЯ, т. 15, с. 1186 и др.]. Эту же культурную ценность «русского мира» выражает устойчивое выражение *Выпить, пить на ты с кем-либо* — в значении ‘закрепить дружбу, добрые отношения особым застольным обрядом, после которого обращаются друг к другу на «ты»; то же, что *выпить, пить и т. п. на брудершафт*’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 1187].

Для фразеологизованных конструкций с местоимением *ты* тенденция к эмпатии проявляется также в особых неофициальных формах обращения к людям, с которыми говорящий находится в душевной близости: *сударь ты мой, дорогой ты мой* и т. п. Ты также широко присутствует в разного рода междометийных конструкциях с неопределенным эмоционально-экспрессивным значением: *Ах / ух ты!* — восклицание, выражающее удивление, испуг, радость и т. п. Ср. также фразеологизованную конструкцию *ни тебе..., ни тебе ... (Ни тебе побежать, ни тебе ползти)*, которая употребляется для усиления в предложениях, имеющих противопоставление, или в отрицательных предложениях [ССРЛЯ, т. 15, с. 1185 и др.]. Во всех вышеуказанных случаях эксплуатируется так называемое «обобщенно-личное» *ты*, которое маркирует расширение позиции адресата до неопределенно большого круга людей, включая и говорящего (*я*).

С другой стороны, местоимения *ты* и *твой* естественным образом участвуют в создании негативно-оценочных фразеологизмов, порождая фамильярно-пренебрежительные, грубые и инвективные обороты. В просторечии косвенные формы *ты* часто выступают в роли частицы в фразеологизованных конструкциях типа *Я тебе поговорю!*, которые употребляются для выражения досады, разочарования, угрозы и т. п. Аналогично — междометные употребления: *Вот тебе (те) (и) на!* — удивление чему-то неожиданному; *Вот тебе!* — злорадство и пр.; *На тебе!* — негативная реакция на кого-л. / что-л.; *Ну тебя!* восклицание, обозначающее: отстань, отстаньте [БТСРЯ, 2000, с. 1355; СЕ, 2000]. В этих случаях эксплуатируются так называемые «панибратские», или фамильярные, употребления *ты* (и *твой*), служащие для понижения статуса собеседника в целях

нанесения ему коммуникативного вреда, то есть в целях речевой агрессии — оскорбительной инвективы: *Иди ты на...; ритуальных форм божбы (клятвы): Вот те крест! — или проклятий: Чтоб тебя разорвало.... (или сокращенное — Чтоб тебя ...); Чтоб тебе (те) пусто (было)! [СЕ, 2000]*

Аналогичные тенденции обнаруживает и местоимение *твой* в составе фразеологизмов. Установка на эмпатию прослеживается в этикетном выражении: *навек твой*; в наречной устойчивой конструкции *быть (будет) по-твоему* — в значении ‘как ты хочешь, в соответствии с твоим желанием’, а также в ряде вводных слов с элементом *твой*: *правда твоя* — в значении ‘ты прав (права), это верно’; *счастье твоё* — в значении ‘тебе повезло, посчастливилось’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 167]. Примечательно также, что в русской картине ценностей идея чего-то настоящего, подлинного как подразумеваемого образца для сопоставления в сравнительных оборотах, то есть чего-то безусловно ценностно значимого, выражается посредством просторечной фразеологизованной конструкции с местоимением *твой*: *Что твой кто-л. / что-л.: А только кинь им кость, так что твои собаки!* (И. А. Крылов, Собачья дружба) [ССРЛЯ, т. 15, с. 168].

Обратная, негативно-сниженная и грубо-фамильярная, сторона культурного потенциала *твой* по аналогии с *ты* обретает себя в инвективных фразеологических выражениях, даже обценных фразеологизмах типа ... *твою мать*.

Местоимение *мы* (и соотносимое с ним лично-притяжательное *наш*), как отмечалось в наших предыдущих исследованиях [Гранева, 2008, 2013], для русского мира вообще обладает повышенной культурной значимостью, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости. Это также отражено и во фразеологизмах с местоимениями *мы* и *наш*.

Косвенная предложно-падежная форма от *мы* выражает значимую для русских людей идею объединения людей по общности духа или другим существенным признакам. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 1411]. Примечательным в плане выражения ценностей является многозначное устойчивое выражение *между нами* [ССРЛЯ, т. 6, с. 782]: как наречие оно употребляется в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’, в роли вводной конструкции (в сокращенном варианте) или в составе полного варианта вводного оборота (*между нами говоря*) оно употребляется при упоминании о чем-либо, что должно остаться известным лишь очень узкому кругу лиц, и, наконец, как предикатив употребляется, когда речь идет о сохранности чего-либо в тайне. Нетрудно заметить, что образный потенциал

мы как носителя идеи общности людей по культурно значимому признаку для выражения этих значений используется неслучайно.

Также мы в составе фразеологизмов отражает определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда мы употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении 'я' (Я как один человек условно равен по значимости многим). Эта установка проявляется в таких фразеологизованных моделях устойчивых сочетаний, как *Знаем мы вас* и пр. [ФСРЯ, 1968].

Лично-притяжательное *наши* в составе фразеологизмов в целом сохраняет и развивает тенденции в выражении культурно значимой информации, отраженные в фразеологизмах с *мы*. Прежде всего это специфически русская национально обусловленная культурная установка на предпочтение коллективных ценностей над индивидуальными, «соборность», выраженная в таких фразеологизованных конструкциях, как *наше дело, наш долг, наша обязанность* и пр. [ССРЛЯ, т. 7, с. 671]. Сфера своего мира, своего круга отражена также в фразеологизме *На наших глазах* в значении 'на виду у нас, в настоящее время (с точки зрения говорящего лица)', где говорящий вовлекает в свой круг неопределенно большое количество людей, которых с ним объединяет общий кругозор, поле зрения («вы, конечно, видите то же, что и я, потому что мы с вами — одно»). Веру в правильность установок и действий «нашего круга» отражает шутливая поговорка *Где наша не пропадала*, выражающая надежду на успех в безнадежном деле. Человек не как индивидуум, а как представитель своей группы выступает адресантом, например, в просторечной шутливой форме этикетного приветствия *Наше вам (почтение)*, в более «игривом» варианте — *Наше вам с кисточкой!* (приветствие при встрече) [ССРЛЯ, т. 7, с. 672; СО, 1993; ФСРЯ, 1968].

Идея общности людей, сформированной на основе духовной близости, выражена в фразеологизме *наш парень* в значении 'близкий, свой, которому можно доверять' [ССРЛЯ, т. 7, с. 671]. Аналогично — в просторечном фразеологизме *Наш брат* — 'о человеке или группе людей, имеющих что-либо общее (с точки зрения говорящего лица)' [ССРЛЯ, т. 7, с. 672]. Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших!* — выражает гордость за поступки или действия представителей нашей общности людей. Аналогично — *Наша взяла (берет)* — 'о том, что представители нашей группы (в социальной психологии это называется «ингруппа», в противоположность «другим», чужим — «аутгруппе») одерживают верх в чем-либо' [ССРЛЯ, т. 2, с. 336]. Позитивно-оценочное утверждение ценностей

и приоритетов своего круга отражено также в фразеологизме *Это по-нашему*, то есть ‘так, как у нас, как мы думаем, считаем нужным’. Высшей ценностью является родной язык, потому и говорение на родном языке маркируется через идею НАШЕГО: *говорить по-нашему* — в разговорной речи употребляется в значении ‘говорить на языке говорящего’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 673].

Фразеологизмы с местоимением *наш* могут активизировать противопоставленность своего круга и круга других, которые не разделяют наших установок, и на этой основе может возникать негативно-оценочный культурный фон: *Не наше дело* = ‘Это нас не касается’, где «мир наших» отторгает от себя все, что не входит в круг его интересов. Признание приоритетной значимости своих ценностей вызывает негативное отношение, неприятие установки на безразличие, ценностный релятивизм, нежелание сделать выбор — это выражается в фразеологизме и *нашим* и *вашим* — ‘о поведении лиц, старающихся угодить двум сторонам, разделенным противоположностью мнений, интересов и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 672].

Фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения *вы* и *ваш*, по особенностям выражаемой ими культурной информации в известном смысле противопоставлены фразеологизмам с *мы* и *наш*. Об этом свидетельствуют, например, образуемые с помощью этих местоимений оппозиции типа *у вас* — *у нас*, *не наше дело* — *не ваше дело*, *ваша взяла* — *наша взяла*, *ваш брат* — *наш брат* и пр. Эти фразеологизмы выражают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, то есть ostranenie и umalenie ценностей другой, противопоставленной группы (аутгруппы, в терминологии социальной психологии) как частный случай общей архетипической аксиологической оппозиции «свое — чужое» [ССРЛЯ, т. 2, с. 65—67].

Для фразеологизмов с *вы* на это указывают модели фразеологизованных конструкций с формой *у вас* или *к вам* в значении ‘в вашем доме, кругу, мире’ / ‘в ваш дом, круг, мир’ (вспомним знаменитое детское стихотворение, обыгрывающее это противопоставление: *А у нас в квартире газ. А у вас?*). Восприятие мира других как чужого и враждебного выражено также в фразеологизме *иду на вы*, восходящем к известному из истории обращению князя Святослава к врагам [ССРЛЯ, т. 15, с. 1187].

Для фразеологизмов с местоимением *ваш* «отстройка» от чужих ценностей также проявляется в выражениях *ваше дело* — ‘ваш долг, обязанность, право’ и *не ваше дело* — ‘вас не касается, вы не должны’. Ср. выражение *ваш человек* = *не наш человек*. Вообще, и само местоимение *ваш* в самых разнообразных контекстных окружениях очень часто употре-

бляется в значении ‘относящийся к той же среде, как и вы, близкий вам по убеждениям, взглядам’: *Я ваш по крови*. Это также выявляется в оппозиции фразеологизмов *говорить по-вашему* и *говорить по-нашему*: такое противопоставление выражает не просто культурную маркированность собеседников как носителей языка (*говорить по-вашему* — то есть на другом языке), но и культурную, ценностную чужеродность (*говорить по-вашему* = *не по-нашему*, то есть говорить непонятно, использовать чуждые для говорящего понятия). Ср. *делать / поступать по-вашему* — ‘так, как вы думаете, как вы считаете нужным’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 67].

Фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения *вы* и *ваш*, по особенностям выражаемой ими культурной информации противопоставлены фразеологизмам с местоимениями *ты* и *твой*. Здесь в основу оппозиции положен уже другой признак — наличие дистанции в коммуникации, официализация общения. Для фразеологизмов с местоимением *вы* это выражается в противопоставлении таких выражений, как *говорить вы кому-либо* — *говорить ты кому-либо*, *быть на вы* — *быть на ты* [ССРЛЯ, т. 15, с. 1187 и др.].

Для фразеологизмов с местоимением *ваш* в этом плане намечается две тенденции.

С одной стороны, выражается культурная семантика почтения, уважительного отношения, что прежде всего проявляется в этикетных формах речи: *Ваш покорный слуга* (в заключении старинных писем), то есть ‘находящийся у вас в распоряжении’; *весь ваш*, *всегда ваш* — ‘готов помочь, оказать услугу (вежливая форма окончания письма, разговора и т. п.)’. Ср. также *Ваше благородие*, *Ваше превосходительство* и т. п. — в титулах или формах почтительного обращения к чиновным лицам [ССРЛЯ, т. 2, с. 66].

С другой стороны, наличие дистанции, официальность общения в русской модели мира могут оцениваться негативно (как ощущение невозможности искренних, доверительных отношений и, как следствие, отсутствие духовной близости). Это проявляется в фразеологизме *воля ваша* ‘ваше право решать что-л.’, который обычно употребляется для выражения недовольства говорящим таким положением дел, или фразеологизмах *ваш брат / ваша сестра* (в просторечии), — в прямом значении выражающих почтение ‘находящийся под вашим покровительством; касающийся вас, приятный, угодный вам’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 66], но реально употребляющихся в иронически-сниженном регистре, с негативно-оценочным оттенком по отношению к ситуации в целом.

Итак, что проанализированный материал отвечает всем критериям культурной разработанности [Вежицкая, 1997] как одного из ба-

зовых параметров для оценки культурной значимости идеи, концепта, представления, выражаемых в фактах языка. О культурной разработанности идей и представлений, выражаемых фразеологизмами с местоимениями *я, мы, ты и вы* (и, соответственно, *мой, наш, твой и ваш*), свидетельствует, в частности, наличие разветвленных моделей парадигматического варьирования, в котором участвует, так сказать, весь (или — почти весь) «набор» местоимений: *это мое (твое, наше, ваше, не мое, не твоё, не наше, не ваше) дело; твоя (наша, ваша) взяла; находится у меня (у тебя, у нас, у вас) / приходиться ко мне (к тебе, к нам, к вам); делать по-моему (по-твоему, по-своему, по-нашему, по-вашему); твой (свой, наш, ваш) брат / сестра; мой (свой, твой, наш, ваш) человек* и пр.

4. Выводы

Настоящее исследование подтвердило, что корпус русских личных местоимений *я, мы, ты и вы* и лично-притяжательных местоимений *мой, наш, твой и ваш* как компонентов устойчивых и нечленимых сочетаний фразеологизованного типа участвует в выражении национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью мира «своих», круга «наших» и его противопоставленности «чужим». Кроме того, данные местоимения в составе фразеологизмов отражают важную для «русского мира» идею о приоритете душевного и неформального, неофициального модуса общения между людьми над регламентированной официальными, статусными ролями говорящих коммуникацией.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
2. СЕ — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 1233 с.
3. СО — Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 14-е изд., дополненное. — Москва : Азбуковник, 1993. — 944 с.
4. ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965.
5. СУ — Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Терра, 1996. — 1216 с.
6. ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ. ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — Москва : Русские слова-ри, 1997. — 416 с.
2. *Гизатова Г. К.* Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Г. Л. Гизатова. — Казань, 2010. — 283 с.
3. *Гранева И. Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения *мы* / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 206—210.
4. *Гранева И. Ю.* Субстантивация и лексикализация местоимения НАШИ в аспекте языковой концептуализации мира / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 6—2. — С. 58—60.
5. *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6. — С. 37—48.
6. *Жуковская Л. И.* *Менталитет vs ментальность* : особенности языковой экспликации концепта в современной русской речи / Л. И. Жуковская // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 6 (49). — С. 326—328.
7. *Пятницкая Н. Ю.* Универсальное и национальное во фразеологии : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. Ю. Пятницкая. — Саратов, 1987. — 215 с.
8. *Радбиль Т. Б.* Концепт игры в аномальном художественном дискурсе / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2006. — С. 308—316.
9. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т. Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии : межвузовский сборник научных трудов. — Нижний Новгород : НГПУ, 1999. — С. 26—34.
10. *Ручина Л. И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки / Л. И. Ручина, Т. М. Горшкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6—2. — С. 130—135.
11. *Сайгин В. В.* *Грех vs. покаяние* в концептосфере русской культуры : лингвокогнитивный аспект / В. В. Сайгин // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 82—93.
12. *Сайгин В. В.* Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры : опыт комплексного лингвокогнитивного описания : монография / В. В. Сайгин. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. — 258 с.
13. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
14. *Федуленкова Т. Н.* Современные направления в изучении фразеологии / Т. Н. Федуленкова, И. В. Бечина // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — Вып. 3. — С. 203—206.

On Cultural Significance of Russian Personal and Personal-Possessive Pronouns in Phraseological Units

© Graneva Irina Yuryevna (2017), orcid.org/0000-0002-1908-3665, PhD in Philology, senior lecturer, Department of History of Russian Language and Comparative Slavic Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), irina.graneva@mail.ru.

The article is devoted to analysis of Russian personal pronouns *ya* 'I,' *my* 'we,' *vy* 'you' and personal possessive pronouns *moy* 'my,' *nash* 'our,' *tvoj*, *vash* 'your' as components of sustainable and declining phraseological units in the Russian speech in terms of expressing their culturally-important meanings. The purpose of the study is to describe the semantic properties (including the evaluation component of the semantics) of Russian phraseological units, incorporating these pronouns from the point of view of their expression of cultural information. The research is based on material extracted from phraseological dictionaries. The theoretical basis of the study are the methodological statements by A. Wierzbicka about description of culture through natural language, the idea of linguistic and cultural description of phraseological units by V. N. Teliya, the principles of linguistic conceptualization of the world, etc. The methods of the communicative-pragmatic analysis, cognitive analysis of the "language of culture," referential analysis, conceptual analysis, functional-stylistic analysis of phraseological units are used. It is proved that the analyzed pronouns in phraseological units express a complex of national cultural-value meanings associated with particular prominence of the world of "our own" (circle "ours") and its opposition to "other." The practical significance of the work is related to the use of its results in teaching Russian as a foreign language and in the practice of compiling dictionaries of the "language of culture."

Key words: personal pronouns; possessive pronouns; idiom; cultural linguistics.

Material resources

- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. 2000. *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- FSRYa — Voynova, L. A., Zhukov, V. P., Molotkov, A. I., Fedorov, A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. (In Russ.).
- SE — Efremova, T. F. 2000. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- SO — Ozhegov, C. I., Shvedova, N. Yu. 1993. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. 1950—1965*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
- SU — Ushakov, D. N. (ed.) 1996. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Terra. 1—4. (In Russ.).

References

- Fedulenkova, T. N., Bechina, I. V. 2011. *Sovremennyye napravleniya v izuchenii frazeologii. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 3: 203—206. (In Russ.).

- Dobrovolskiy, D. O. 1997. Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii. *Voprosy yazykoznaniya*, 6: 37—48. (In Russ.).
- Gizatova, G. K. 2010. *Strukturno-tipologicheskij podkhod k sopostavitel'nomu issledovaniyu frazeologii*: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk. Kazan'. (In Russ.).
- Graneva, I. Yu. 2008. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya *my*. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 4: 206—210. (In Russ.).
- Graneva, I. Yu. 2013. Substantivatsiya i leksikalizatsiya mestoimeniya NASHi v aspekte yazykovoy kontseptualizatsii mira. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6—2: 58—60. (In Russ.).
- Pyatnitskaya, N. Yu. 1987. *Universalnoye i natsionalnoye vo frazeologii*: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
- Radbil, T. B. 1999. Pretsedentnyye teksty v yazykovoy kartine mira. In: *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii*: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Nizhniy Novgorod: NGPU. 26—34. (In Russ.).
- Radbil, T. B. 2006. Kontsept igry v anomal'nom khudozhestvennom diskurse. In: Arutyunova, N. D. (ed.) *Logicheskij analiz yazyka. Kontseptualnyye polya igry*. Moskva: Indrik: 308—316. (In Russ.).
- Ruchina, L. I., Gorshkova, T. M. 2011. Slovar' kombinirovannogo tipa kak sposob lek-sikograficheskogo opisaniya kontseptosfery russkoy narodnoy skazki. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6—2: 130—135. (In Russ.).
- Saygin, V. V. 2015. *Kontseptualnoye pole «grekh» v prostranstve russkoy kultury: opyt kompleksnogo lingvokognitivnogo opisaniya*: monografiya. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).
- Saygin, V. V. 2016. Grekh vs. pokayaniye v kontseptosfere russkoy kultury: lingvokognitivnyy aspekt. *Nauchnyy dialog*, 1 (49): 82—93. (In Russ.).
- Teliya, V. N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. 1997. *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Zhukovskaya, L. I. 2014. Mentalitet vs mentalnost': osobennosti yazykovoy eksplikatsii kontsepta v sovremennoy russkoy rechi. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 6 (49): 326—328. (In Russ.).